

КЛУБ

«КРИПТОАМНЕЗИЯ»

Michael Bracewell

THE CRYPTO-AMNESIA
CLUB

Serpent's Tail

ЧТЕНИЯ ДЮАРИСТОВ

Майкл Брейсвелл

КЛУБ
«КРИПТОАМНЕЗИЯ»

Москва
2013

УДК 82-311.1
ББК 84(4)6-449
Б87

Переводчик Татьяна Покидаева
Редактор Алекс Керви

Брейсвелл М.

Б87 Клуб «Криптоамнезия» / Майкл Брейсвелл. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013. — 197 с. — (Серия «Чтения Дюаристов»).

ISBN 978-5-91671-229-2

Модный лондонский клуб со странным названием «Криптоамнезия» — это эпический театр, где идет непрестанная война стилей. Фасоны причесок, модные лейблы, гламурный снобизм — вот в чем смысл здешней жизни. Главный вопрос бытия: кто круче? Кто станет законодателем мод в нынешнем сезоне? Меррил, управляющий этим мавзолеем непомерно раздутого самомнения, исполняет свои обязанности безо всякой радости и охоты: мятущаяся, потерянная душа, он ненавидит гостей, угождать которым — его работа.

В окружении манерных людей-манекенов, давно утративших все человеческое, Меррил мечется в поисках причин — почему посреди этой свалки для чувств, превратившихся в мусор, его сердце терзается любовью, почему вообще он дал себе труд влюбиться.

УДК 82-331.1
ББК 84(4)6-449

**Издание подготовлено при поддержке
ООО «Бакарди Рус»**

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

- © Michael Bracewell, 1988
- © First published in *frieze* magazine, issue no.79, December, 2003, no.80, February, 2004, no.10, august, 2006.
See frieze.com for further information.
- © З А.М. MAGAZINE, 2001
- © Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2013

ISBN 978-5-91671-079-3
(Серия «Чтения Дюаристов»)
ISBN 978-5-91671-229-2 (рус.)
ISBN 978-1852421151 (англ.)

Оглавление

ГЛАВА ПЕРВАЯ	
Клуб «Криптоамнезия»	11
ГЛАВА ВТОРАЯ	
Британия	27
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
Поход по музеям	33
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
Тот, кто любил эти парки	37
ГЛАВА ПЯТАЯ	
Нечитабельные впечатления от дивного Питера Пэна	43
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
«Пляж»	49
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
Орфей незамеченный: часть первая	55
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
Орфей незамеченный: часть вторая	61
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
Желтый дом	67
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
Амелия и фруктовый салат	75
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
10 000 бутылок	83

Майкл Брейсвелл

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	
С Арчером в «Короткой юбке»	89
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
Химические реакции, острова, речной ил	97
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	
В гостях у Элен	109
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	
Суровые женщины в платьях джерси	115
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	
«Не зрел троянских гордых башен»	125
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	
Мираж	133
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	
Вспоминая о том, что было: первая попытка	145
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	
Целый лес колокольчиков	149
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	
Вспоминая о том, что было: вторая попытка	155
ШОК НОВИЗНЫ	
<i>Интервью с Томом Вулфом</i>	157
БЛЕСТЯЩЕЕ ОДИНОЧЕСТВО	
<i>Интервью с Брайаном Ферри</i>	170
ТЕАТР РАНЕЛАГ, ПАРИЖ, ФРАНЦИЯ	182
ИНТЕРВЬЮ С МАЙКЛОМ БРЕЙСВЕЛЛОМ	186
<i>(Ричард Маршалл)</i>	

*Огромный мир, незримый для людей,
Рабов своих низменных устремлений,
Живущих в ограниченном мире
Банальностей, для всех и вся единых,
Чья жизнь течет потоком неизменным
Без смысла, без закона, без конца...*

Вордсворт. Прелюдия.
Книга VII. Пребывание в Лондоне

Роджеру Пулу

Глава первая

Клуб «Криптоамнезия»¹

Сейчас над всем довлеет ощущение начала конца. Я все время знакомлюсь с людьми — представляюсь и почти тотчас же ухожу, смущенный собственным безрассудным порывом. Сопричастность великому вдохновению, которую, как мне кажется, я при этом испытываю, в большинстве случаев оборачивается всего-навсего дилетантской восторженностью. На самом деле я никогда толком не знаю, где я. Вот почему считаю лучше сразу сказать, кто я и чем занимаюсь, тем более, что это не самое лучшее из занятий, и я бы желал, чтобы вы поняли почему. Мне хочется, чтобы вы это знали. Потому что мне страшно. Я боюсь всех и вся — даже вас, даже с такого расстояния. Одной только мысли о том, что вы

---

¹ В названии клуба Crypto-Amnesia обыгрывается слово криптоамнезия (от греч. *kryptos* — скрытый, тайный + *mneme* — память, воспоминание), означающее расстройство памяти, когда человек не может вспомнить, когда было то или иное событие, во сне или наяву, написал ли он стихотворение или просто запомнил когда-то прочитанное и т. п. — *Прим. ред.*

где-то рядом и вообще есть на белом свете, достаточно, чтобы у меня побелели костяшки пальцев, взгляд начал судорожно метаться из угла в угол, а рука невольно потянулась к кнопке, спрятанной под столом, чтобы вызвать охранника, который вышвырнет вас на улицу.

Скорее всего, у меня было тяжелое детство — я его просто не помню, но, наверное, в своей жалкой, убогой жизни я все-таки сделал что-то хорошее. Хотя в последнее время начинаю сомневаться. Это место — будто служебный лифт в чистилище, где нет ничего, кроме призраков и тяговых канатов, на дне шахты — минное поле эмоций, а стены забрызганы блевотиной пьяных гостей.

Я скажу вам, кто я, вы почувствуете мое холодное дыхание и сразу поймете, что здесь не так. Может быть, кто-то подумает, что я живу там, где Нэнси спускалась по ступеням прямо к черной воде с мутной накипью свежих опилок, и знаю о том, что толкнуло в петлю старину Билла Сайкса¹, чуть больше остальных...

Я — управляющий клубом «Криптоамнезия», модным ночным заведением, баром, дансингом, адом на Земле — называйте, как вам больше нравится, — причем управляющий поневоле. Я занял эту должность не так уж давно, но уже ненавижу свою работу. Ненавижу свой клуб. За то, что он делает с людьми, за то, что выявляет в людях, ускоряет и кристаллизует: безысходное сомнение как кульминация их представлений о самих себе, кошмарное зрелище как награда за мучительное восхождение на крутые откосы собственных вообража-

---

¹ Нэнси, Билл Сайкс — персонажи романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста». — *Здесь и далее прим. пер.*

емых образов — опасные склоны, грозящие оползнями и обвалами, — с единственной целью — просто посмотреть. До меня его влияние тоже добралось, хотя я всегда был уверен, что на управляющих оно не распространяется. Отсюда и все мои страхи.

В прошлом году, в октябре, мы поставили в клубе новые телефонные кабинки из ярко-красного пластика. Шик-модерн с явным уклоном в психопатию. Вавилонский закат. А людям, как ни странно, понравилось. Они проводят там кучу времени: плачут, блюют, предаются оральному сексу, используют как офис для работы, кончают с собой, потребляют наркотики. В общем, удобное нововведение. Пластик — материал дешевый, он легко моется, и, если вы вовремя платите по счетам, телефонная компания, с которой у вас заключен договор, предоставит вам личного консультанта — какую-нибудь бойкую всезнайку, выпускницу Лондонской школы языка телодвижений, которая хорошо разбирается в современной семиологии замкнутых коммуникационных пространств, и позаботится о том, чтобы вы твердо держали руку на сбивчивом пульсе телефонной психологии. С прошлого октября я регулярно плачу телефонной компании за эти услуги и плачу, прямо скажем, немало, но почему-то не чувствую пульса. Он, наверное, умер, как и всё вокруг.

Но для заведений, подобных нашему клубу, телефоны действительно очень важны. Но, скорее, важна обстановка. Мои гости (свиньи, змеи и прочие пресмыкающиеся) весьма разборчивы в том, что касается оформления кабинок. Телефон они воспринимают как нечто личное и проявляют в его отношении прямо-таки артистическую

чувствительность. Из-за телефонов случаются драки. Для тех, кто приходит сюда, для людей, которые платят за членство в клубе, телефоны — не просто устройства для коммуникации, а нечто вроде тотемных столбов. Обязательно нужно кому-нибудь позвонить. Хотя бы для того, чтобы сообщить лучшей подруге Элен, что кош-ка снова поймала в саду сороку. А я обязан угождать гостям и исполнять все их прихоти и капризы. Мне за это платят. Так что если наш Телефонный коридор напоминает инсталляцию художника-вортициста¹, составленную из побитых машин, я в этом не виноват — напрямую.

Вот так и вышло, что однажды погожим октябрьским днем Лайза из телефонной компании открыла очередной секрет телефонной психологии и испортила мне все удовольствие от традиционной рюмочки горячими заверениями, что меня окружают потенциальные телефонные психопаты и поэтому мне нужно серьезно подумать о том, чтобы заменить оскорбительно безликие, эмоционально неудовлетворительные аппараты с кнопочным набором на что-нибудь более изысканно-замысловатое, скажем в стиле барокко. «Вам нужны телефоны, у которых будет свое лицо», — профессионально заключила она, процитировав рекламную фразу из преискуранта тем якобы искренним тоном, насквозь пронизанным фальшью, от которого потребителю становится стыдно просто за то, что он существует.

Я уже видел Лайзу. На фотографии в глянцевого журнале какого-то издательства из непонятно какой страны,

---

¹ Вортицизм (англ. Vorticism) — течение в английском изобразительном искусстве начала XX столетия, близкое к футуризму.

посвященном телефонным фетишам. Там, в журнале, Лайза была в традиционном латексе, в котором снимаются все фетиш-модели; она была плеткой какую-то девочку-школьницу, обвитую телефонными проводами, и при этом мастурбировала телефонной трубкой. Я ее сразу узнал. Но теперь она выглядела респектабельно, даже очень. От фетиш-модели до консультанта в большой телефонной компании — девушка сделала неплохую карьеру. Хотя, может быть, это была та же порнография, но на технологически продвинутом уровне? Эдакое телефонное сутенерство, чтобы вернее выманить у меня деньги. Помню, я еще подумал: «Лайза, ты извращенка и шлюха. если кто-то из нас и нуждается в помощи, так это точно не я».

Одиночество — вот главный кошмар вечно пьяных снобов и хамов, которые посещают мой клуб. Они боятся остаться одни даже в толпе. Для них толпа — единая и неделимая сущность, и каждый из них представляет себя маяком на одинокой скале посреди пустынного моря. Им необходима возможность контакта с себе подобными, хотя бы иллюзия сопричастности — они всегда как потерянные. Всегда. И с помощью телефонной компании, с которой у нас заключен договор, мы устроили в клубе Телефонный коридор. Его стены оклеены коллажами из синей кожи, чтобы слегка приглушить алый цвет пластиковых кабинок. Осветительные приборы в виде тонких светящихся полосок располагаются на уровне пола; а для клиентов, не чуждых вуайеризма, мы специально открыли еще один бар и поставили там экран, на который передаются картинки со скрытых видеокамер, установленных в каждой кабинке. Из-

за этого нововведения пришлось увеличить размер членских взносов, но никто не возмутился, и мы заработали кучу денег.

Над технологическим оснащением нашего Телефонного коридора, исполненного в нарочито тяжелой и жесткой стилистике, трудилась команда японских дизайнеров по интерьеру: ударная группа осветителей-сюрреалистов активно использовали в работе реагирующие на тепло сенсоры — специальные лампы, испускающие в произвольном порядке световые лучи самых разных цветов вокруг любого предмета теплее воздуха. Эти сенсоры располагаются в самых неожиданных местах, и создаваемый ими световой хаос превращает толпу в «произвольное живое граффити». Несколько раз ко мне обращались молодые и рьяные кинорежиссеры с авангардистским уклоном, которые хотели использовать наш Телефонный коридор в качестве декораций в своих декадентских фантасмагориях эпохи полного вымирания популярной беллетристики, но я всем отказал. Первому молодому киношнику я очень доходчиво объяснил, что среди причин, почему люди больше не ходят в кино, клуб «Криптоамнезия» занимает далеко не последнее место, но этот парень оказался воинствующим дилетантом, этакой пиявкой на теле искусства, и вообще ничего не понял. Тогда я сказал, что съемки в клубе будут стоить ему четверть миллиона фунтов в неделю, и больше его не видел. (Он попытался скопировать наш интерьер, но это был чистой воды плагиат, причем плагиат в виде злой сатиры, так что я подал в суд и получил с его киностудии значительно больше четверти миллиона, к тому же позаботился, чтобы эта история попала

во все газеты: «ЭЛИТАРНЫЙ ПАНК-КЛУБ ИЗОБЛИЧАЕТ КИНОШНИКА-ВОРА». Буквально на следующий день число членов клуба выросло чуть ли не вдвое.) Я сделал хорошие деньги на страхе перед одиночеством, которым страдают все наши гости, и нисколечко не сомневаюсь, что заслужил каждый пенни из этих денег.

К двум часам ночи у нас собирается столько народу, что мест за столиками не остается вообще, а бар напоминает нечто среднее между рождественской распродажей в универмаге «Хэрродс» (Harrod's) и похоронами викингского конунга. Перед телефонами выстраиваются длинные очереди: люди платят немалые деньги за членство в клубе и получают за это определенные привилегии, которыми стремятся воспользоваться в полной мере. Всем охота проехать в пульмановском вагоне до конечного пункта под названием «полное забвение». И ужасно боятся что-нибудь пропустить. К нам сюда ходят две девочки, которые почти каждый вечер сидят-обнимаются всегда в одном и том же кресле, которое резервируют заранее за отдельную плату. Никто не знает, кто они такие. Впрочем, это никого не волнует.

Мой главный вышибала (или «художник по безопасности», как он сам себя называет) не говорит, где работал раньше и сколько там получал. Сказал только, что был «последним из могикан», что бы это ни значило. Впрочем, я им доволен и могу *спать* спокойно, зная, что в клубе не будет ни драк, ни других безобразий, пока Сидней следит за порядком, а его тень омрачает пространство — в том смысле, что, когда он выходит на сцену, в клубе становится чуть-чуть холоднее и темнее.

С точки зрения административной работы к нам вообще невозможно придаться. Если вы прежде не видели канцелярию в полном хаосе, можете поверить мне на слово: как бы это не выглядело, все документы, счета и бумаги у нас в полном порядке — от телефонных квитанций до карантинного сертификата на нашу клубную кошку породы персидская голубая по кличке Амфетаминный Психоз, сокращенно Амфи. Почти все время Амфи спит на столе у меня в кабинете. Вообще мой кабинет — единственное место в клубе, где тихо. Тишину обеспечивают двойные звуконепроницаемые двери, а отчасти — мое настроение. Змеи и пауки, рыщущие в диких дебрях снаружи, как будто не понимают, что это *моя* территория. Я — управляющий клубом. Я — невидимый инспектор манежа, который чертит узоры в опилках носком ботинка и медленно сходит с ума у себя в кабинете.

Тут у меня аквариум с тропическими рыбками: длинный, почти на всю стену. Рыбки плавают среди водорослей и теней и играют с тонкими струйками серебряных пузырьков, которые непрерывно поднимаются со дна к поверхности. Амфи не обращает на них внимания: гордой персидской красавице с голубым мехом не пристало тратить время на каких-то там рыбок. У меня на столе стоит ваза с цветами — фрезиями и нарциссами, и я не люблю, когда кто-то заходит ко мне в кабинет. Поскольку у нас все отлажено, мне не обязательно выходить в зал каждый вечер по несколько раз, но я все равно выхожу в полночь и в три часа ночи. Как монах в часовню. Я по-прежнему чувствую некую призрачную ответственность за то безумие, что там творится, за все

эти бумажки с телефонными номерами, пришпиленные к стенам, наподобие стихотворений в старом Бедламе¹ рядом с тюрьмой Флит, за всех этих Гаев Фоксов, Гвидо и Бейтсов, оставляющих свои подписи под номерами. Раньше меня волновало, что происходит с моими гостями, потом стало все равно, а теперь в душе поселилось стойкое равнодушие. Это как в кинотеатре, когда смотришь фильм, — все там, за экраном. Как погружение на глубину.

В наше тревожное время я всегда просыпаюсь с привкусом предыдущей ночи во рту. Ее цвет наполняет мой кабинет. Если я заснул не в постели, то просыпаюсь у себя за столом, в кресле, весь онемевший, и горит приглушенный синий свет, и рыбки медленно плавают вверх-вниз над красным гравием в аквариуме. Помятый костюм медленно передвигается по сумрачной комнате и открывает жалюзи на окне, а там, за окном, уже полдень, и свет бьет в глаза, так что приходится щуриться. Я вовсе не претендую на то, чтобы знать — мне, если честно, все равно, — какими невразумительными путями человек приходит к своим представлениям о судьбе и обстоятельствах, которые заставляют его поступать именно так, а не иначе. Однако некоторым удастся превысить предельный размер кредита, установленный им судьбой. Я сам такой. И меня не покидает стойкое ощущение, что я уже исчерпал лимит, отпущенный на одну жизнь, для ассигнований на душу. Печальная истина такова — хотя, может быть, и не печальная, но все же:

---

¹ Бедлам — королевская больница им. Марии Вифлеемской, старейшая психиатрическая клиника Великобритании, основанная в Лондоне; ныне переведена в графство Кент.

когда человек становится банкротом в конкретном контексте, не потому, что ему крупно не повезло или же он вдруг пустился в совершенно ненужную, пусть и героическую авантюру, а просто из-за своей расточительности и безудержного сумасбродства перед лицом жизни, в которой нет ни малейшего смысла, то у него не остается ничего, кроме воспоминаний. Да, я тоже превысил кредит, но я хотя бы отдаю себе в этом отчет и таким образом сохраняю остатки достоинства. Искреннее осознание духовной бедности помогает найти утешение в дешевеньких лотереях, где единственный выигрыш — краткосрочные займы собственного «я», а также в дешевой сентиментальности, которая не обладает ни респектабельным блеском солидности крупной прибыли от инвестиций, ни юной мальчишеской красотой оборотного капитала. Мой банк духа сгорел, я сжег его собственноручно и острее всего ощущаю потерю, когда на обугленных руинах искрится утренняя роса. Моя душа развалилась и пришла в запустение, как район старых доков на Темзе. Но где-то между мысом Рогоносца и таверной «Дьявол» есть район моего сердца, моя личная зона предпринимательства, где я лелею свой микрокассетный диктофон — устройство для воспроизведения воспоминаний. Сажу у себя в кабинете, мечтаю о разбитых машинах на берегу золотой реки уставший от жизни и страшющийся смерти, но это, как говорится, мои проблемы.

Люди интересуются: «А что за название такое, “Криптоамнезия”?» — и, наверное, лучший ответ нашла Лайза. Она однажды сказала: «Криптоамнезия — это шифратор беспамятства. Люди приходят сюда забывать, но не могут забыться, и в итоге еще чего-нибудь вспо-

минают». В последнее время мне кажется, что я вообще ничего не забываю и поэтому я тут главный. Потому что я понимаю память.

Я не о том, что я женоненавистник, просто мой род занятий располагает к тому, чтобы человек превратился в законченного сексиста — когда видишь столько людей, существующих исключительно ради секса, это действительно угнетает, а когда я смотрю на своих гостей и вижу столько зияющих ран, столько боли, которая почему-то особенно остро проявляется именно здесь, в этих стенах, мне самому удивительно, почему я еще не бросил свою работу. Я избегаю любых сексуальных контактов с гостями женского пола. Мне не нужна их любовь, я здесь работаю за деньги.

Иногда мне представляется, что мой кабинет — это ловушка, западня, из которой не выбраться, но я все равно спокоен, как удав, или, вернее, как червяк в мякоти гниющего плода. Может быть, поэтому я и совершаю свои регулярные вылазки в зал — в полночь и в три часа ночи, — просто чтобы удостовериться, что там все спокойно, что никаких признаков бунта нет и в помине. Именно в эти мгновения я вижу по-настоящему своих гостей — нежных фиалок и варваров, красавиц и чудовищ, людей, которые возвели абсурд в ранг романтики. Однажды вечером я нашел на своей двери записку, припиленную ножом: «Любимые женщины — как пули. Ту, которая тебя сразит, ты не услышишь». В ту ночь в клубе было до ужаса тихо.

Я единственный человек в «Криптоамнезии», который помнит буквально все. Я помню лица всех ящериц

и личинок, гревшихся в бледно-розовом свете танцпола; волны изменчивых лиц, которым никогда не надоедает просчитывать свой предсказуемый отклик на вполне очевидные вещи. На мой взгляд, они слишком самоуверенны, мои гости. И особенно в том, что касается идей, взглядов и представлений. Меня преследуют эти лица, хотя я и повторяю себе — каждый вечер по тысяче раз, — что им нельзя доверять. Нельзя верить ни лицам, ни людям, которых они представляют.

Да и зачем это нужно? Воспоминания осаждают меня постоянно, все время. Интересно, была ли жизнь до ночных клубов? Простое, незамысловатое существование, без ниточек, тянущихся к невидимому кукловоду? Мне почему-то не верится. Я уже отказался от этой мысли, как слишком наивной. Может быть, я представляю собой на данный момент наивысшую ступень на шкале эволюции: Человек Помнящий. Это существенный шаг вперед по сравнению с Номо Narcissus, сиречь Человеком Нарциссирующим, и Человеком Алкоголическим, которые суть величайшее чудо мыслящей плазмы, приходящей сюда, чтобы потанцевать. Только они ни к чему не ведут, все эти упорные размышления, и проблема с Лайзой из телефонной компании по-прежнему остается проблемой. С этой женщиной, в которую я безнадежно и безысходно влюблен.

«Je t'aime»¹ — в переводе с французского означает «я идиот», и я влюбился в Лайзу, когда она работала над обустройством нашего Телефонного коридора. Даже не знаю, почему влюбился. Я погружался в эту любовь,

---

¹ Я тебя люблю (фр.)

точно в омут, и отчаянно цеплялся за все, что могло бы меня удержать, только все было напрасно. Я хорошо помню тот вечер, когда осознал, что влюбился: у нас с Лайзой была назначена встреча, и я так боялся в нее влюбиться, что у меня начались галлюцинации. Мне казалось, я видел эпоху до Лайзы: голубые поля в россыпи алых маков, буйная сочная зелень до наступления ледникового периода, этого глобального оледенения духа, создавшего крепкий фундамент, на котором построен наш клуб. Я видел эру до секса — бесполой пейзаж без единого оттенка плоти. Мне казалось, я пробыл там много часов — там, под теплым ласковым солнцем, убаюканный тишиной. А потом небо стало багровым, заходящее солнце залилось краской стыда за грядущее. Ночь надвигалась, как обещание кошмаров: зеркал, телефонов, синтетики, ночных клубов, — и как-то так получилось, что меня продали (или я сам запродался) в бизнес полуночных развлечений. Я никогда не смогу получать удовольствие от блистательных сожалений, покаянных признаний, раскаяния, угрызений внезапно проснувшейся совести и отпущения грехов при тяжелом похмелье души по-библейски монументальных пропорций. Просто знаю, что так бывает, потому что уже тогда знал, что Лайза будет в моей тюрьме и замком, и ключом, отпирающим этот замок. Агент хаоса (представительница телефонной компании: воплощения всего, что мне кажется жутким и страшным в клубе «Криптоамнезия»), влюбиться в нее для меня смерти подобно. И все-таки я угодил в западню. Влюбился в то, чего больше всего боялся. В самую сущность своей несвободы — не уйти, не спастись.

А потом Лайза вошла в кабинет и сказала:

— Привет. А я испугалась, что тебя убили.

При общении с Лайзой можно быть уверенным только в одном: что ни в чем нельзя быть уверенным. Она положила перчатки на стол. Это было как вызов. Я отодвинул их к самому краю. Я не пускаю других на свою территорию и не желаю участвовать в проверках, что устраивает мне Лайза, видимо, с целью понять, до какой степени ей все дозволено. Она улыбнулась на мою молчаливую декларацию упорной готовности к обороне, и мне показалось, что где-то там, в синем сумраке кабинета, тихо вздрогнули цветы.

— Я смотрю, в этой крысиной норе есть все, что нужно для жизни, — проворковала она.

— И самое главное сыр, — сказала я, с каждой секундой влюбляясь в нее все больше. Пока мы сидели, проверяя друг друга в сумраке, вся моя жизнь пронеслась у меня перед глазами, оглушая почище рекламных роликов от Pearl & Dean. Сознание — как подиум для парада воспоминаний, и все мерцало и переливалось, как золотая подкова из рукоплещущих зрителей, завистливых сослуживцев, умопомрачительных девственниц и иступленных фотографов в окружении многочисленных ассистентов. Вспышка, вспышка, и — раз! — уверенные улыбки сногшибательных супермоделей, моих ослепительных воспоминаний, — их совершенство не может испортить даже приглушенный грохот искусственных даб-композиций, составляющих саундтрек к подобию жизни в «Криптоамнезии». Лучше этого не будет ничего. И никогда.

— А почему бы тебе, почему бы тебе, почему бы тебе не пойти ко мне? — вздохнула Лайза, и ее густой голос можно было намазывать на сладкие вафли.

— А вдруг ты меня убьешь? — сказал я.

— Не убью, — прошептала она, — честное слово. — Синий свет обозначил ее улыбку, и я ей поверил. В ту ночь мы вышли из клуба вместе, и никто, наверное, не видел, как она поцеловала меня возле здания Сити-банка.

До того как Лайза стала моделью, она, вероятно, была самой обыкновенной школьницей, загравшей в саду у дома, потом актрисой запасного состава, не сыгравшей ни одной роли, потом гламурной девчонкой на модельно-актерских пробах. И может, она смотрела сквозь толпу соперниц на зимний закат и думала: «Боженька, миленький, я тебя очень прошу, сделай так, чтобы я никогда не стала такой, как они...» Она делала это не ради любви. Она делала это за деньги. Вот так Лайза вошла в мою жизнь, и на целых четыре месяца у меня появилась причина жить... а потом Лайза ушла. Наверное, это в порядке вещей и по-другому вообще не бывает, но я помешан на воспоминаниях об этой женщине и одержим безнадежной мечтой, что когда-нибудь мы встретимся снова.

Я гонялся за этими воспоминаниями по мокрым ночным кольцевым дорогам: неистовый вихрь возможностей, захваченный в многочисленных страшных авариях на опасных развязках. Я думал о ней во всех местах, которые способствуют великим попыткам принять ре-

Майкл Брейсвелл

шение своим неизбывным, отчаянным одиночеством. Я думал о ней, сидя в «Склепе» (The Vault) у Саутворкского собора; я думал о ней, прогуливаясь по берегу реки Темзы, там, где королева Елизавета каталась на лодке с графом Лестером и совсем недалеко от стадиона, где «Пэлас» (Crystal Palace) побил «Шпоры» (Tottenham Hotspur).

Я по-прежнему люблю эту женщину, хотя мы больше не видимся, и она, как мне кажется, даже не подозревает, как сильно я страдаю от любви. Сейчас ночь, и Лайза, наверное, спит под огромной роскошной луной, что стоит высоко в небе над городом, пока я играю с воспоминаниями — с этими исполнительными игрушками для надломленных духом, для банкротов души. Но, хоть я и банкрот, мне удалось заключить сделку с ночью, договор о слиянии с целью совместного поиска правды, притаившейся в этих воспоминаниях. Мы еще очень молодая компания, но у нас есть замечательные идеи, и мы стоим с ней вдвоем (я и ночь), глядя на кончик натянутой золотой нити, и я чувствую, как от реки тянет холодом, и слышу шум последних ночных поездов, прибывающих на станцию Кэннон-стрит.

Меня зовут мистер Меррил — или просто Меррил, — мне тридцать три года, и я управляющий клубом «Криптоамнезия».

Глава вторая

Британия

Мой шифр беспамятства: откажись от сопричастности, и *пустота* выльется изнутри и подступит снаружи. Когда разум входит в *пустоту* (как это часто бывает со мной), тело вбирает в себя впечатления. Мгновения красоты — или воодушевления — рождаются из одиночества и подтверждаются им же. Мой кабинет. Любовь превращается в попытку рассказать об этих мгновениях кому-то еще, но ими нельзя поделиться ни с кем.

Все теории о происхождении пустоты хороши, но бесполезны, однако, как только процесс пошел, необходимо поддерживать пламя жизни, что наполняет эту пустоту: оно не должно угасать, оно должно гореть вечно, расплачиваясь за свое постоянство собственным сознанием. Оно, это пламя, по-прежнему привлекает красоту: она подходит к нему близко-близко, и опускается на колени, и опалает манжеты, заслушавшись гóлоса, который беседует сам с собой. Лайза быстро наслушалась — и ушла.

Каждый раз, когда я бываю в «Склепе», я отчаянно вглядываюсь в хаос в поисках ангела, которого нужно спасти. Меррилу надо выпить! Собственно, потому я и хожу сюда, в «Склеп». Хаос, думаю, можно дисциплинировать мощным хором чего-то такого, что заслуживает доверия — хором Англии! Им дирижируют от сердца. Сердца Англии, сердца Меррила.

Кларет обжигает мои пересохшие губы. «Первенец чего бы то ни было — всегда незаконнорожденный», — говорю я себе. «Склеп» — пустынная подземная пещера под южной оконечностью Лондонского моста, покинутая даже теми, кого затронула смерть: еще не прикончила, но уже заразила. Это амбар для английского урожая, который так и остался несжатым.

Я сижу здесь, в темноте, пью бордо и расщепляю хаос, ломая его на кусочки. Руки лежат на холодной столешнице, и между пальцами я вижу конструкцию из концентрических окружностей, расходящихся по всей Англии. Я — их сердце. Их сердце — Лондон, Лондон — сердце Англии, а я — сердце Лондона. Ни раскидистый дуб в Тьюксбери, ни шпиль церкви в Суффолке не притязают на титул сердца. Сердце — во тьме. Это Меррил.

Согретый теплом кларета, я представляю себе близлежащие графства. Золотые уголья небес: неоспоримые, бессмертные. Весь день мне было тревожно, все меня раздражало, но теперь я услышал хор райских куц. Он звучит надо мной, где-то под потолком. Своевольная по натуре, эта великолепная серенада опускается сверху и проникает в мои благодарные уши, презрев традици-

онное восхождение в бледные, изнеженные соцветия вялого света на тощих фонарных столбах.

Это мирской хор, не церковный. Я ищу веру вне пределов клуба, и моя национальная гордость преклоняет колена перед контрапунктом божественного диссонанса. Церковь меня угнетает. Небесный хор выступает в качестве лекарственного препарата, отхаркивающего средства для слизистых сгустков депрессии, он разжижает мокроту и превращает позицию в предвкушение. Раньше, помнится, я хотел обрести истину, но только мирскую, истину денег, а теперь не знаю, чего хочу. Свечи я отвергаю. Они холодные. Или, вернее, я больше не чувствую их тепло. Но мне все равно нужен свет. Истина отступает все дальше, в затемненное время; она погружается в прошлое и превращается в святые мощи. Я вижу багровый свет. В нем проплывают какие-то черные пузыри — вздымаются волнами и опадают в соответствии с нервными перепадами моего настроения. Они искажают зрительное восприятие, и все пропорции смещаются. Мне нужен свет, но не свечи, и я беру еще одну бутылку вина. Подношу стакан к губам и замираю, наблюдая за своей рукой. «Свечи — незаконно рожденный свет», — говорю я себе.

Автостоянка снаружи — как распятие под сенью Саутворкского собора. Спазмы желтого света на уровне мостовой сводят сердечную мышцу; влажное движение в атмосфере — итог происходящего в ночи. Окровавленные перья ложатся на облака угольной пыли; на потертых резиновых дорожках, ведущих к платформам, слышатся крики, в которых — горячечный бред невезе-

ния. Я ненавижу эпиграммы безысходной несостоятельности. Колесики со стершимися зубцами надо выбрасывать из механизма.

Случайно задев память локтем, я слышу, как хор превращается в жутковатую сверхъестественную эстафету молитв и ответов. Я отступаю на шаг, отпиваю вино. Заминка на долю секунды в зыбком мерцании свечей, когда моя собственная рука вдруг отказывается исполнить некое символическое преклонение, и потом все становится как прежде. Я смотрю на автомат, торгующий сигаретами. Он похож на машину. Перед мысленным взором — последний Spitfire над Ла-Маншем. «Нет!» — мой крик разносится эхом. Смущение.

Чуть позже рот наполняется сладковатой слюной с металлическим привкусом. Я тушу сигарету, придавив уголек ногтем. Поднимаюсь по лестнице, выхожу из подземелья, и «крики на улицах старого Лондона» вдруг звучат совершенно неправильно. Я щурюсь сквозь пот, попавший в глаза, и бреду восвояси. От Воксхолла до плотины. Я — связующее пространство.

Пьяный позор своего отечества, я вижу свое отражение в реке: отвратный портрет разуверившегося патриота. Перегнувшись через парашют, бросаю в воду мелочь — пытаюсь разбить мерзопакостную картинку. Она восстанавливается с монотонным упорством. Вода — темная на глубине, но поверхность искрится огнями. Свет, прошедшие годы, сограждане — белые стекляшки. Они складываются в мозаику, покрывающую весь Лондон. Всю Англию. Осколки частного права разбросаны по мостовой. Они тускло поблескивают